

Юэ Циюнь не хотел без нужды слоняться по округе — куда бы он ни пошёл, на него смотрели горящими глазами ученицы, и слухов о нём и духе клинка здесь ходило не меньше, чем в Нефритовых Источниках.

Но даже не выходя из покоев, он не мог избавиться от внимания — многие ученицы тайком приходили поглазеть на него, так что в конце концов ему пришлось закрыть окна и погрузиться в медитацию.

И как назло, У Ю только и делал, что мешал ему, беспрестанно затевая разговоры. Юэ Циюнь был уже на пределе.

— У Ю, заткнись наконец, чёрт побери, — не выдержал он.

Он изначально планировал выстроить с У Ю нормальные отношения, общаться спокойно, но сейчас его терпение лопнуло.

— Ладно, — У Ю послушно смолк, но уселся рядом и продолжил смотреть на него. Его пристальный, глубокий взгляд заставлял Юэ Циюня ёжиться, и о сосредоточении на циркуляции ци не могло быть и речи.

Тишина продлилась недолго — У Ю снова принялся искать, к чему бы прицепиться.

Юэ Циюнь в раздражении покосился на него. Ему вдруг стало любопытно, а какие же слухи ходят по Jianghu об У Ю.

Ещё в Нефритовых Источниках Юэ Циюнь не верил сплетням и не распространял их.

Он слышал кое-что о себе и о Ло Юане, но считал, что все эти рассказы — сплошная чепуха, и ни одному слову верить нельзя.

Двое других из Четырёх Светил Ютяня не пользовались в Нефритовых Источниках таким вниманием, как они сами, да и слухи о них были неправдоподобными, так что Юэ Циюнь никогда не утруждал себя их выслушиванием.

Когда же появился У Ю, и они целый год провели в соперничестве, Юэ Циюнь краем уха услышал лишь что-то о «знатном роде, драконьей крови и фениксовом костном мозге» — ничего полезного.

Неужели он поначалу ещё питал надежду, что главный герой окажется хорошим человеком?

Он никак не мог предположить, что его отношения с У Ю сложатся именно таким образом.

— У Ю... — Юэ Циюнь снова вознамерился вразумить влюблённого юнца, раз уж делать всё равно было нечего.

— Не буду слушать, — отрезал У Ю, едва услышав своё имя, и с игривой улыбкой приподнял бровь, словно выжидая, когда Юэ Циюнь продолжит, чтобы улучшить момент и укусить его за язык.

Ну и ладно, не хочет — как хочет. Пусть вешается на своё дерево, мне-то что. Юэ Циюнь махнул на это рукой.

— Младший брат, — видя, что Юэ Циюнь не собирается продолжать, У Ю сменил тему, — какой напиток тебе больше всего нравится?

— Дукан, — не открывая глаз, буркнул Юэ Циюнь. Он не мог сказать «Тусу» — это было бы слишком откровенно.

Циюнь и вправду не любил выставлять свои предпочтения напоказ. У Ю мысленно вздохнул.

— А какие книги любишь?

— «Троецарствие». — Чёрт! — едва произнеся это, Юэ Циюнь осознал, что совершил оплошность.

На этот вопрос он отвечал десятки лет и в нескольких жизнях, и это вошло в привычку. Он же ещё даже не пил, а уже начал болтать безо всякого фильтра.

На его родине это был бы самый безопасный и нейтральный ответ, никто бы и бровью не повёл. Даже в беседах с братьями по школе, если бы он проговорился, можно было бы отбрехаться, сказав, что это просто название какой-то повести, — в Мире Ютянь подобных творений не счесть, и, возможно, такая книга и впрямь существует.

Но перед ним был У Ю. Проницательный и не в меру умный У Ю.

Юэ Циюнь снова почувствовал лёгкую дрожь — но ведь по одному лишь названию книги ничего не понять, верно?

— Говорят, младший брат любит играть в карты со старшей сестрой Су и другими? — У Ю не стал развивать тему книги и перешёл к следующему вопросу.

— Старшая сестра Чан... они любят играть, а я с детства составлял им компанию, когда не хватало игроков.

— И никогда не выигрывал? — У Ю тихонько рассмеялся.

— И где ты это пронюхал? — спросил Юэ Циюнь, хотя и так знал, что в Нефритовых Источниках это был открытый секрет.

— У тебя с собой нет духовных камней?

— Нет, не нужны.

У Ю больше не спрашивал. Он снова вспомнил ту ночь, когда застал Юэ Циюня с Ло Юанем.

Ему ужасно хотелось спросить о долге Юэ Циюня перед Ло Юанем. Духовных камней у него было сколько угодно, он мог бы помочь Циюню расплатиться. Он не хотел, чтобы то, что написал Циюнь, оставалось у кого-то другого.

В прошлый раз У Ю видел ту записку, что написал Юэ Циюнь, — Ло Юань носил её при себе. А у него самого не было от Циюня ничего.

Капризный нрав младшего господина У снова взял верх, на сердце стало тяжело и тоскливо.

Теперь он вообще ничего не хотел спрашивать.

Что опять стряслось с этим господинчиком? На сей раз Юэ Циюнь совершенно не мог взять в толк, отчего У Ю вдруг разобиделся.

Он же уже проявил ангельское терпение, отвечая на кучу дурацких вопросов. Что за чёртова болезнь?

Юэ Циюнь тоже не собирался его ублажать. С чего бы это?

У Ю замолчал и перестал приставать. Он закрыл глаза и погрузился в медитацию, сидя напротив Юэ Циюня.

Просидев в безмолвной практике час или два, У Ю наконец почувствовал, как тяжкий ком в груди понемногу рассасывается, и мысли снова вернулись к недавнему разговору с Циюнем.

«Троецарствие»? Что это за книга? Повесть из мира смертных? У Ю никогда о такой не слышал.

После того как Циюнь произнёс это название, его душевное равновесие явно пошатнулось, и У Ю понял, что Циюнь не хочет, чтобы он задавал вопросы.

Поэтому он сделал вид, что ничего не заметил, и не подал виду.

Но он был уверен: эта книга каким-то образом связана с тайной, которую Циюнь скрывает.

Тайну, которую скрывает Циюнь, ему ужасно хотелось узнать. Он готов был поклясться своим сердцем Дао, что не проронит ни слова.

— Младший брат, а это что такое? — У Ю наблюдал, как Юэ Циюнь что-то выводит кистью на бумаге.

Они просидели в комнате уже два дня, и У Ю не находил, чем себя занять.

Зато он обнаружил, что Циюнь умеет развлекать себя сам. Он видел, как тот доставал из Мешка Цянькунь множество диковинок из мира смертных.

Циунь был таким интересным.

— Схемы, вычисления, — не отрываясь от работы, ответил Юэ Циюнь.

Подобные вещи в Мире Ютянь тоже существовали.

Среди последователей Пика Спокойного Сияния Нефритовых Источников, специализировавшихся на изучении формаций и связанных с ними искусств, многие были весьма искушены в вычислениях. Если бы не разница в «древе технологий» между мирами, многие из старших братьев с Пика наверняка разбирались бы в стеках и очередях куда лучше, чем Юэ Циюнь.

В детстве Юэ Циюнь и Ши Дун иногда развлекались подобным, чтобы отвлечься после тренировок с мечом.

Ши Дун изучал формации и научил Юэ Циюня многим техникам мечевых построений. Но для мечевых формаций требовалось множество клинков и духовных камней, особенно последних — аналога денег в мире культивации, — которых у Юэ Циюня не было ни гроша.

У него был целый мешок высококлассных магических инструментов, но ни камня за душой. И тащить эти инструменты в ломбард он не мог.

За эти два дня, помимо медитации и практики, делать было решительно нечего. Играть с У Ю в шахматы Юэ Циюнь не хотел, для маджонга не хватало игроков, «Девять соединённых колец» и головоломки Конмина он уже все перебрал. Он даже было собрался достать шесть медяков, чтобы сплести браслет, но побоялся, что У Ю начнёт допытываться о смысле этого действия.

Придумать отговорку Юэ Циюнь, конечно, мог, но он не считал, что сможет запросто провести У Ю.

Со всем, что было связано с его прошлым, следовало быть крайне осторожным и не проявлять этого перед У Ю.

Юэ Циюнь переселился из другого мира, попав в книгу? Для людей этого мира подобное, пожалуй, было бы сродни сну Чжуан-цзы о бабочке.

У каждого мира свои законы Небесного Пути, и лучше им не вмешиваться друг в друга.

Да и с точки зрения здравого смысла, если бы кто-то вдруг заявил, что он «переселенец», все сочли бы его сумасшедшим. Кто бы такому поверил?

Более того, Юэ Циюнь начал задаваться вопросом, не оказался ли он в ситуации, схожей с положением того знаменитого императора-переселенца?

Что проку в знании сценария, если судьба сына мира всё равно бьёт тебя по рукам, а Небесный Путь наказывает вдвойне? Он ведь совсем недавно уже вспоминал этот печальный опыт.

Юэ Циюнь даже верил, что если он снова попытается убить У Ю, Небесный Путь и впрямь может обрушить ему на голову метеорит.

У него было смутное предчувствие, что о своём происхождении из иного мира и измерения нельзя рассказывать никому, кроме собственного духа клинка. Скажешь — быть беде.

Возможно, даже существует некая сила, которая не даст ему возможности вымолвить это вслух.

Раз уж он здесь, надо спокойно жить своей жизнью.

Здесь было куда лучше, чем в прошлой жизни: без забот о еде и одежде — еды и одежды вдоволь, талант отменный, да ещё и судьбу удалось изменить, избежав предначертанной гибели. Нынешняя жизнь была очень уж безмятежной.

Прошлое должно остаться в прошлом.

У Ю уже давно подобрался поближе и наблюдал, чем занимается Юэ Циюнь.

Почерк Циюня был стремительным и уверенным, сама картина радовала глаз, как и он сам. Но рядом он нарисовал несколько никогда не виданных прежде символов. Что они означали?

Циюнь, кажется, сначала не обратил на них внимания, вывел, но затем сразу же осознал и больше не повторял?

<http://bllate.org/book/15201/1342021>